

Я. Л. Коломинский

ПЕДАГОГ
СРЕДИ
ДЕТЕЙ

психология
педагогического
взаимодействия

 «Пачатковая школа»
Минск
2014

УДК 37.015.3
ББК 88.8
К61

К61

Коломинский, Я. Л.

Педагог среди детей : психология педагогического взаимодействия / Я. Л. Коломинский. – Минск : Пачатковая школа, 2014. – 88 с. : ил.

ISBN 978-985-565-067-7.

В сборник, приуроченный к 80-летию доктора психологических наук, профессора Я. Л. Коломинского, вошли статьи и заметки, которые раскрывают специфику педагогического взаимодействия между учениками и учителями, детьми и родителями. Издание включает автобиографические материалы (дневник молодого воспитателя) и публицистические выступления на тему статуса психологии в современном обществе.

Адресовано студентам педагогических специальностей, практикующим психологам, педагогам, а также всем, у кого растут собственные дети.

УДК 37.015.3
ББК 88.8

ISBN 978-985-565-067-7

© Коломинский Я. Л., 2014
© Оформление. Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Пачатковая школа»», 2014

Оглавление

Психическая психология Коломинского	4
Записки воспитателя	10
Первые встречи	11
У Толи болит зуб	14
Моя «шефа» не пришла	15
Умеете ли вы застилать кровать?	18
Три мамы и один папа	19
Когда можно разговаривать?	20
Тайна	22
Факультет психологической культуры	26
Чему мы будем учиться?	27
Культурные ли мы люди, или Каждый ли человек – психолог?	28
Психологическая деятельность	30
Какой я учитель, какой я человек?	36
«Они» и «мы»	41
Слушая, услышишь	45
Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется?	50
Игра и учение – добрые и неразлучные союзники ...	53
Не судите, да не судимы будете, или А судьи кто? ...	59
Тайны обаяния	63
Ученик среди детей	68
Жизнь как познание психологии	76

Поэтическая психология Коломинского

Вступительную статью мне очень не хотелось начинать теми словами, которые известны всем и которыми обычно пишут биографические энциклопедические справки. В формальных выражениях, часто верных букве, но не духу, может исчезнуть главное, определяющее эту книгу, – особая жизненность и оптимизм, ненасытный интерес и любовь к людям, а главное – к детям. Словом, все то, что выделяет ее автора – Якова Львовича Коломинского – из когорты ученых его круга, и то, что, как мне кажется, хотя бы отчасти объясняет загадку притягательности его личности.

Эта притягательность странного свойства. Она двойственна. С одной стороны, в ней присутствует мощная, связывающая с Яковом Львовичем центростремительная тенденция, которую наблюдатели склонны объяснять простым человеческим обаянием. С другой, всякий человек, попадающий в поле тяготения его личности, неминуемо заражается характерным для Якова Львовича восхищением перед жизнью, центробежным стремлением делиться этим восхищением со всеми знакомыми и незнакомыми людьми, одухотворять окружающие вещи и бестелесные идеи.

Мне кажется, что подобного рода качеством наделены (Богом, Случаем, Судьбой) прежде всего педагоги, для которых их работа не профессия, а призвание. Этим людей мы интуитивно выделяем среди прочих, к ним тянемся, а встречу с ними расцениваем как событие, изменившее наш жизненный порядок. Иногда такого рода качество (или набор качеств?) называют мистическим именем «харизма». То она, как, наверное, уже заметил искушенный в гуманитаристике читатель, в высшей степени присуща людям публичным: политикам, актерам, священникам, но прежде всего – поэтам.

Не случайно среди лучших друзей Якова Львовича такие известные поэты, как Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Давид Симанович. Последнему принадлежат эти, посвященные Якову Львовичу строчки:

«Осенними вечерами (шел к концу 1951-й), которые уже за горами, мы с Яковом столичные улицы морили студенческими шагами. И была нам беда – не беда. И о нем я рифмовал тогда: "В пединститут приехал в минский Яков Львович Коломинский!..."»

Конечно, он был еще просто Яша-Яков. И мы с ним мечтали о будущем без всяких страхов, хотя совсем себе не представляли: какое будущее скрывали дали. И вели бесконечные разговоры о стихах, о его Аде и первой любви моей – Лоре...

...Когда соединяет нас телефон этой осенью, он – один из известных психологов на земле, автор сотен научных статей и книг –

рассказывает мне о внучках своих Даше и Кате, которые, кстати, в отличие от внуков моих, уже студентами стали, как мы когда-то. И хорошо им под ветвями родного древа Якова и Ады, а о ней я тоже рифмовал когда-то: "Хоть ты и Ада, а не Рая – ты не из ада, а из рая..."»

Мы оба с Яковом из Наровлянского рая, с Припяти, с Полесья, живем, творя и побеждая, и судьба разлучает нас, соединяя. И мы по-прежнему вместе.¹

Поэт Давид Симанович находит в Якове Коломинском культурное родство – поэтическое начало, сблизившее их в юности и пронесенное (сохраненное) ими через всю жизнь.

Тюминка я как-то спросил Якова Львовича: «Кем бы Вы стали, если бы не стали ученым?»

Писателем, – не задумываясь, ответил он. Видимо, этот вопрос он раньше и даже, наверное, не раз задавал самому себе. Сказать – «Поэтом» – не решился. Хотя я знаю, у Якова Львовича есть и лирические стихи:

...слабая ромашка, но меня погубит,
Лепесток последний прошептал: не любит...

Поэтическое отношение к жизни Яков Львович переносит на главное дело своей жизни – психологию. Марина Цветаева, по словам К. Бальмонта, пыталась сделать невозможное – соединить стихи и музыку. Яков Львович движим подобным алхимическим стремлением – превратить науку в искусство, прозу – в стихи. Он глубоко верит, что это возможно, и даже изобрел свой «философский камень» – метод преподавания психологии – литературно-художественное моделирование. Внешне он выглядит простой литературной аллюзией на психологические феномены, своего рода мнемотехникой, позволяющей студентам укоренять в своей памяти абстрактные, а потому далекие от их жизненного опыта научные определения. Вот один из примеров применения литературно-художественного моделирования, предложенный Яковом Львовичем для преподавания психологии:

«Прекрасные поэтические строки может привести преподаватель, излагая основные положения теории личности, например о ее устойчивости и изменчивости. Личность – это не некое бронзовое изваяние, над которым не властны ни годы, ни обстоятельства. Н. Заболоцкий писал:

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь,
На самом деле то, что именуют мной, –
Не я один. Нас много. Я – живой!...»²

¹ Симанович, Д. Дневник осенних вечеров – Минск, 2010. – С. 12.

² Коломинский, Я. Л. Психология: поэзия и проза преподавания (опыт профессорской рефлексии). Неопубликованная рукопись.

Но эта аллюзийность, как я заметил выше, лишь внешняя, так же как и мнемотехничность. Суть приема в другом – в характере поэтического действия. Настоящая поэзия, как известно, не описывает, не отражает жизни, а создает при помощи художественных средств свой особый, отстоящий от повседневности мир. Поэтический мир, разумеется, связан с последним, однако не непосредственно. Это связь не соответствия, а преобразования. Привычные, а оттого часто незамечаемые вещи в поэтическом изображении приобретают неповторимость и внутренний свет, но главное (!), обнаруживают свою артефактическую природу. Месседж Коломинского в случае литературно-художественного моделирования таков: «Вещи сделаны человеком, психология – продукт человеческого усилия, мысли и действия». Эта установка, именно установка, предшествующая знанию, и должна передаваться преподавателем студенту. Делаемость психологических феноменов вследствие поэтической аберрации становится фигурой повествования. Почти, как у В. Шкловского: «...искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно»¹.

Именно это обстоятельство оказывается решающим фактором практичности освященной искусством психологии. Эта практичность преодолевает дистанцию между изобретением и применением, между теорией и практикой, поскольку использование поэтической метафоры само по себе и есть применение. Слово и дело здесь неразрывны. Дискуссия о том, что первично: слово или дело, теряет в случае литературно-художественного моделирования смысл.

Но это изменяет и смысл присутствия преподавателя в аудитории. Сообщение информации превращается из основной задачей в факультативную. Задача педагога теперь сродни проповеднической миссии. Он не только приобщает студента к Учению, но и приобщает его особым сотворческим образом. Студент получает возможность действовать на психологическом поприще, обладая необходимыми для этого предпосылками психологического видения, понимания и суждения. В этом и состоит, как я думаю, главная задача обучения психологии по Коломинскому.

Но этим актом он одновременно противопоставляет и той программе развития психологии, которая ориентируется на образ естественных наук (Sciences) как на свой идеал. Манящая Коломинского перспектива – Humanities and Arts – «гуманитарные науки и искусства», адресующая себя «к современной концепции "arts" как области человеческого поведения, основанной скорее на вдохновении и воображении, нежели на системе и методе»².

Мы не случайно остановились в настоящей вступительной статье на анализе изобретения Якова Львовича – литературно-

¹ Шкловский, В. Б. Искусство как прием / В. Б. Шкловский [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.opozaz.ru/manifests/kakpriem.html>. – Дата доступа: 01.09.13.

² Гумбрехт, Х.-У. Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» / Х.-У. Гумбрехт // НЛО. – № 81 [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/>. – Дата доступа: 11.04.10.

художественном моделировании. В предваряемой статье книге этот прием превращен в базовый метод. Его действие обнаруживает себя и в первой части книги – «Записках воспитателя», исполненной в лучших традициях художественной прозы, и во второй – «Факультете психологической культуры», проникнутой поэтическим восприятием психологических отношений, и, наконец, в третьей – «Жизни как познании психологии», в которой Яков Львович в интервью журналу «Пачатковая школа» выступает в мифотворческой функции, создавая «миф Коломинского». Миф в этом случае мы трактуем по А. Ф. Лосеву¹, видя в нем продукт первичной рационализации, вписанный как в теоретическую рефлексию, так и в логику поступка. Миф Коломинского в этой связи – это продвигаемое текстуальными средствами (в данном случае – интервью) повествование о Прометее, несущем искру глумительной психологии в окружающий социум и культуру. Привлекательность такого рода образа, освященного веками, для круга психологических неопитов вряд ли нуждается в прояснении. Как метод и как прием литературно-художественное моделирование здесь проявляется в модернизации античного содержания, включении его в контекст современных профессиональных самоопределений и практик. Реализуясь на неосознаваемом уровне восприятия, он находит опору в культурных матрицах и процессах, сформированных первичной социализацией читателя. В результате герою интервью журнала «Пачатковая школа» очень хочется подражать. Не исключено, что практика мимезиса – ключевая для третьей, заключительной части представляемой книги.

Вступительная ее часть – «Записки воспитателя». Она является собой яркий опыт психолого-педагогической рефлексии практика, оказавшегося в ситуации, которую Януш Корчак описывал в терминах принципиальной атеоретичности. Воспитатель, писал он, поступает не как предписывают ему научно-педагогические трактаты, а так, как этого требует момент, а главное, так, как может². Яков Львович часто замечает в «Записках воспитателя», что выбору, а также конкретному поступку его не учили в вузе. Его герой обнаруживает себя в ситуации перманентной эвристики, состоящей то в сооружении косичек шефами-старшеклассниками, то в спонтанной психотерапии – «заговаривании зубов» страдающему от зубной боли малышу. Эти, казалось бы, мелкие эпизоды из жизни детского интерната превращаются в своего рода «кейс-стади»³, поучительные не только для родителей, но и для будущих педагогов, обретающих способность оперативного практического мышления.

¹ «...если брать реальную науку, т. е. науку, реально творимую живыми людьми в определенную историческую эпоху, то наука решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально питается ею, почерпывая из нее свои исходные интуиции». (Лосев, А. Ф. Дialeктика мифа / А. Ф. Лосев. – М., Мысль, 2001. – С. 33.)

² Корчак, Я. Теория и практика / Я. Корчак // Как любить ребенка. – М.: Педагогика, 1990. – С. 268–271.

³ Кейс-стади (case study) – анализ случая.

Второй раздел – «Факультет психологической культуры» – при первом прочтении производит впечатление смены жанра: перехода от живого описания воспитательных отношений к рефлексивным заключениям. Более внимательный взгляд, однако, обнаруживает смысловую преемственность второго и первого разделов. Она обеспечивается, во-первых, обратной контекстуализацией (проекцией второй части на первую), проясняющей логику «Записок воспитателя», а во-вторых, тематизацией «психологической культуры», с которой Я. Л. Коломинский связывает успех психолого-педагогической деятельности. И если первая часть в большей степени ориентирована на работу с впечатлением, то вторая делает акцент на переработке и осмыслении опыта, возникшего у читателя в ходе чтения первого раздела.

Этой цели, в частности, подчинено стилизованное решение второй части. Оно композиционно диалогично, интерактивно, выполнено в манере, напоминающей скорее дружескую беседу и соразмышление, чем поучение. Автору важно знать, как будет воспринято сказанное им слово. Вопросы, пожелания, проблемы и предложения, с просьбой о которых обращается к своим читателям Яков Львович, являются собой не дань моде демократического повествования, а сущностную характеристику открытого текста. Текста, который никогда не завершен и который вместе создают автор и читатель.

Обращение к теме «психологической культуры» связано не только с актуальным научным интересом профессора Коломинского. Хотя по собственному опыту знаю, что со студентами, читателями, какова бы ни была тема разговора, всегда говоришь о том, что у тебя в настоящее время «болит». Иногда это проявляется не прямо, а косвенно, например в мотиве беседы, в том, ради чего вступаешь в разговор. По прочтении второго раздела понимаешь, что «психологическая культура» – не просто интересная тема или безразличный к последующему повествованию повод, а концептуальный ход, воирающийся в себя новый социокультурный и педагогический проект Якова Львовича Коломинского.

Таких проектов в его научной биографии, на мой взгляд, было не много, хотя, для того чтобы состояться в качестве ученого, достаточно и одного. Первый появился в годы «оттепели» и был связан с утверждением ценности общения, микросоциального мира, который Коломинский противопоставил социальной инженерии, дирижирующей странами и народами. При своем рождении этот проект получил имя «Психология взаимоотношений в малых группах», и по нему историки отечественной психологии долгое время опознавали Якова Львовича в качестве социального психолога. Вскользь замечу, что заниматься социальной психологией в те далекие 60-е годы решались немногие. Второй, соотносимый с концом 70-х годов прошлого века, проект помещал в центр общественного внимания личность, богатство ее внутреннего мира. Этот мир, хотя и был обусловлен межсубъектным

взаимодействием, но в итоге к нему несводим. В эти годы появляются такие значимые в рассматриваемом отношении книги, как «Социальная психология личности». В интерпретациях Якова Львовича человек перестает быть подструктурой больших социальных систем, выступая и как паритетный им мир отдельной личности, и как мир, включающий в себя целую Вселенную. В своих работах и публичных выступлениях этого времени Яков Львович часто цитирует Е. Евтушенко:

...И если умирает человек,
с ним умирает первый его снег,
и первый поцелуй, и первый бой...
Все это забирает он с собой...

И вот, наконец, третий актуальный проект – «психологическая культура личности». Весть о нем донесли до нас «Психология педагогического взаимодействия», «Социальная педагогическая психология», многочисленные статьи и выступления. Вскоре стало понятно, что во внутреннем мире человека ученый выделил некое сущностное образование, структурное отношение, предназначенное обеспечить универсальную ориентацию и поведение индивида в быстро изменяющейся и во многом непредсказуемой жизни. Согласно становящемуся воззрению, точку опоры в самоорганизации человек должен находить в самом себе, что требует не только смены инстанции ответственности (внешних упований на внутренние), но и вызывает к жизни необходимость в специальной психологической образованности. Психологическая готовность к самоорганизации, самореабилитации и самообучению, если я верно понял послание ученого, и составляет ядро психологической культуры личности. Изложению основных положений концепции «психологической культуры личности» посвящена вторая часть представляемой книги.

В целом же и «Записки воспитателя», и «Факультет психологической культуры», и «Жизнь как познание психологии» составляют определенное содержательное целое, своего рода «семейное сходство», объединяемое не только общими правилами, но и замыслом нового гуманитарного проекта, я бы рискнул назвать его «антропоцентристским проектом», который инициировал и активно продвигает в жизнь Яков Львович Коломинский.

К сказанному мне остается добавить, что в данном исполнении книга может быть интересна не только юношам, обдумывающим, «сделать бы жизнь с кого», но и специалистам широкого гуманитарного профиля: профессиональным психологам, социальным работникам, педагогическим журналистам, а также всем тем, у кого растут собственные дети или у кого они вскоре появятся.

Александр ПОЛОННИКОВ

З А П И С К И

В О С П И Т А Т Е Л Я

Первые встречи

Позади мучительные визиты в гороно. С приказом в руках переступаю я порог школы-интерната, где волею начальства мне суждено быть воспитателем. Пахнет свежей краской, там и сям – строительный мусор.

Еще полмесяца до начала занятий. Работать официально я начну через неделю. Но уже сегодня завуч собрал нас, новых воспитателей, на первое совещание. Присматриваюсь к своим будущим коллегам. Это опытные педагоги. За плечами у Ивана Антоновича, низковатого, полного, несколько флегматичного человека, 10-летний стаж работы в начальной школе; Клара Самуиловна была завучем где-то на Дальнем Востоке; Николай Михайлович работал в детской трудовой колонии. На этом совещании я был самым молодым и, пожалуй, самым неопытным. Правда, воспитательница Татьяна Ермолаевна пришла в школу прямо с институтской скамьи, но на этом совещании ее не было. Она вышла на работу только 30 августа.

– Вы хорошо теоретически подготовлены, – подбадривал меня завуч. – Вот и соедините теперь теорию с практикой.

Да, видно, он успел познакомиться с моим личным делом, где было сказано, что окончил я факультет педагогики и психологии, три года преподавал эти предметы в педучилище, руководил педпрактикой... Словом, был, как высокопарно говаривал наш директор на педсоветах, «учителем учителей».

Но одно дело – учить других преподавать, и совсем другое – самому работать с детьми. Я не верю в притчу о тренере, который воспитал немало первоклассных пловцов, но однажды упал в воду и утонул: не умел плавать. По-моему, он утонул бы на первом же занятии.

Учительница нашего класса потом рассказывала:

– Мне завуч говорит: «У вас, Лилия Васильевна, новый воспитатель будет. Теоретик!» А я ему: «Зачем мне теоретик? Вы мне практика дайте». Хорошо, что не послушался он меня тогда... – добавляла она, очевидно, для моего успокоения.

Завуч все рассказал нам о школе, о режиме дня, а потом спросил: «Кто в каком классе хотел бы работать?» И тут я произнес слова, о которых иногда сожалел:

– Прошу назначить меня воспитателем первого класса.

Завуч поспешно согласился: охотников там работать было мало.

Исходил я из того, что в первом классе буду иметь дело с, так сказать, «целиной», которая хороша уже тем, что ее не надо перепихивать. Это была ошибка. На своем опыте пришлось убедиться: никогда

не бывает «невспаханного поля» в педагогическом деле. Но в одном я оказался прав: нет детей более откровенных, чистосердечных, открытых для педагогического воздействия, чем первоклассники. И если бы мне опять пришлось начать работу в школе-интернате, я взял бы первый класс.

В конце совещания завуч раздал нам тетради. В моей было 34 адреса. 34 адреса – это 34 дома, почти 34 улицы, а главное – 34 моих будущих воспитанника.

Прежде всего пришлось основательно изучить множество трамвайных, автобусных, троллейбусных маршрутов, но особенно много было маршрутов пешеходных... Теперь я отчаянно спорю, когда слышу: «Минск – не такой уж большой город».

На Старовиленском тракте стоял неказистый дощатый барак, где я с трудом разыскал комнату семьи Оли М. Самой Оли и ее матери дома не оказалось, но и того, что рассказали мне соседи, было достаточно для составления акта с заключением о необходимости зачислить девочку в школу-интернат. Сосед, седой, с козлиной бородкой портной, говорил:

– Это несчастные дети. Их у нее пятеро, и все от разных отцов. Выпивает, гуляет... Спасибо государству: уже двоих забрали в детдом. Старших...

Он вздохнул и добавил:

– Спасайте и эту девочку.

Позднее я познакомился с матерью Оли и убедился, что старик был прав.

С первого же посещения запомнилась и мать Эрика Д. Удая, испитая, она привычно затягивалась папиросой, стряхивала пепел. На давно не мытый пол и с усмешкой бросала, кивая в сторону мальчика лет четырех:

– Этот ерунда: здешний, картофляник. А Эрик – не та порода – сибиряк! Возьмите. Парень – гвоздь. Да некогда мне с ним. У меня скоро еще один запланирован, – и, перехватив мой смущенный, а может быть, и возмущенный взгляд, продолжала: – Плевать я хотела на соседей. Завидуют, гадины. А я им говорю: рожала и рожать буду... У нас государство об одиночках заботится...

Как хорошо понимали мы Эрика, когда он по субботам говорил то мне, то Татьяне Ермолаевне:

– Я домой не хочу. Лучше тут буду.

И мы, нарушая строгие приказы дирекции, оставляли мальчика в школе.

Растет пачка актов. В них – горькое однообразие: мать-одиночка, в квартире тесно, смотреть за ребенком некому. Из 34 моих воспитанников едва ли десятая часть имела отцов. Среди матерей

немного таких, как мать Эрика. В основном это были просто несчастные женщины, которым не повезло в жизни. От всего сердца желали они добра своим детям и делали для них все что могли. Но могли они совсем мало. Поэтому всех, кто хотел побеседовать с нашими воспитанниками, мы предупреждали:

– Не задавайте вопросы об отце...

Ведь невыносимо было слышать, как Людочка П., у которой в метрике значилось: год рождения – 1951, на этот вопрос гордо отвечала:

– Погиб на фронте!

А Ленья К. заявлял:

– А мой папа сидит в тюрьме. Он нам денег не давал, и мама его посадила. – И неизменно добавлял: – Я его не люблю.

Не раз мы, воспитатели, между собой возмущенно говорили о подлецах, которые нагло используют гуманность законов и, по выражению Макаренки, оставляют после себя стайки полусирот. И, будь наша воля, мы приняли бы против них самые жесткие законы.

Многое дали мне первые посещения семей воспитанников, но главное – было чувство огромной ответственности за их судьбы, страстное желание сделать все, чтобы в школе-интернате они были счастливы. И в сотый раз мучительно думал: смогу или нет?

Но дети, да и матери их вряд ли догадывались об этих мыслях, когда к ним приходил будущий воспитатель и вел разговор о школе. Они мне показались одинаковыми, мои будущие воспитанники. Все смотрели на меня чистыми, приветливыми глазами, все говорили, что очень хотят в школу, и убегали. Матери тоже говорили практически одно и то же: «Любит ласку. Некому за ним смотреть». И в конце беседы добавляли: «Знаете, к нему нужен особый подход». Так что через несколько дней я усвоил: надо иметь 34 особых подхода. Но в чем должна быть особенность? Этого мне родители не сказали, а спросить я почему-то не догадался. Манина мама не сказала, что по отношению к ее дочке это значит: берегись упрямства. Олина мама не предупредила: берегись слезливости. Сашины родители не предостерегли от капризов, а Наташины – от лени. Почему? Может быть, потому что родители часто не отдают себе отчета в недостатках своей воспитательной работы, особенно если ее и не было как таковой. Кроме того, многие потом признались: боялись говорить о недостатках – еще не возьмут в школу. Кому охота с упрямцами и капризулями возиться!

Но обход не был напрасным. Его результаты были для меня неожиданными. Оказывается, дети, переступив порог школы и увидев там дядю, который к ним уже приходил, были очень довольны. Это помогло им освоиться в новой обстановке.

Уже через несколько недель то один, то другой вспоминал:

– А помните, как вы у нас были? Ну, тогда я еще был во дворе.

Тут наш Вовка бежит и кричит: «Иди, к тебе из школы пришли».

И дальше следовал подробнейший рассказ с такими, например, деталями:

– А вы были тогда в такой голубой рубашке...

– И совсем не в рубашке, а в тенниске. Это так называется, я знаю, – уточняла соседка.

При этом разгорался спор, а я не мог сказать ничего вразумительного.

Надо учесть, что дети в те августовские дни жили мечтой о школе, вместе с родителями волновались: примут – не примут? Поэтому ясно, что они особенно ярко воспринимали и запоминали все, связанное со школой.

Теперь я часто думаю о том, как мало успел сделать во время тех посещений, как мало узнал. До сих пор ругаю себя за то, что не ходил в детские сады, где воспитывались мои дети. Вообще мы, школьные работники, мало знаем о детском саде. И напрасно: многое закладывается именно там.

У Толи болит зуб

Суматошный день 31 августа. Уже третьи сутки мы, воспитатели, вместе со старшеклассниками таскаем кровати, матрасы, подушки, одеяла, получаем обмундирование, приколачиваем классные доски, вешаем портреты.

А утром пришли дети. Они испуганно держатся за материнские юбки, но глазенки с любопытством обстреливают все окружающее. Потом школа оглашается дружным плачем – это пришла пора расставаться... Суматошный день, но, пожалуй, больше мне запомнилась ночь. Первая ночь, которую дети и я вместе с ними провели в стенах школы-интерната.

Спальный корпус нашей школы не был готов к началу учебного года, и длинные ряды кроватей протянулись по бесконечному коридору. Ответственный дежурный, а им был я (все решил «всесильный» для нашей старшей воспитательницы график, а он никого не делит на опытных и новичков), облегченно вздохнул: ну, все спят. Все ли? Где-то в конце коридора послышалось всхлипывание. Спешу туда. Светленькая девочка тихонько плачет, уткнувшись в подушку.

– Что с тобой, детка? Почему плачешь?

– Про-о-о-сто так, у-у-у.

– Может, болит где-нибудь?

– Не-е-ет!

– Так в чем же дело? По маме соскучилась?

– Не соскучилась, а только мама мне всегда одеяло под спинку подталкивает...

Облегченно вздыхая, выполняю функцию ее мамы, и девочка засыпает. Но тут раздается плач в другом конце коридора. Плачет Толя С.: разболелся зуб.

– Очень больно, Толечка?

– Очень.

Бегу за медсестрой. Приложили грелку – все напрасно. Толя плачет все громче и громче. На соседних кроватях уже беспокойно заворочались дети.

– Ты, Толечка, потихоньку, ведь детей разбудишь.

Ну и что, что разбужу. У меня все равно болит...

Логично – возразить трудно. Подхожу с другой стороны:

– Знаешь, Толик, у меня раньше тоже зубы болели.

Плач прекратился, заинтересованный мальчик повернулся ко мне. Обрадованный, продолжаю:

– Вот, посмотри, здесь до сих пор зуба нет.

Толя даже на подушке приподнялся:

– А где он?

– Пошел к врачу, и вырвали...

Не успел я договорить, как понял, что сделал непростительную ошибку: плач возобновился. Пришлось начинать все сначала:

– Толя, а кем ты хочешь стать?

– Летчиком...

– Летчиком! – обрадовался я. – Так тебе надо быть смелым, терпеливым... Знаешь, один летчик...

Тут начался рассказ о разных случаях, когда летчики терпели страшные боли. Толя молчит, пока слушает, но стоит мне умолкнуть, как он начинает плакать. Но плач стал каким-то деланным, ненатуральным.

– Как ты, Толечка? Немножко легче? – спрашиваю.

– Да, уже только чуть-чуть болит, только вы все равно рассказывайте. Интересно.

Так он и уснул под мои рассказы.

Никогда не думал, что так трудно заговаривать зубы. В институте нас этому не учили.

Моя «шефа» не пришла

Никогда не ощущал я так ясно стремительный бег времени, как в утренние полтора часа с 7.00 до 8.30. Сколько дел приходилось на эти короткие 90 минут!

Начать хотя бы с того, что многие дети просто не хотели вставать. Вот, например, Света К., казалось бы, совсем уже встала, даже чулки натянула... Но одно мгновение – и ее белокурая головка уже снова на подушке, а голубые глазки крепко закрыты.

Однажды Леня К. предложил:

– А давайте не будем чулки вечером снимать. Вот хорошо будет: встал – и готово!

Но, не встретив с нашей стороны поддержки, он применил свою «рационализацию», по его словам, всего только два раза.

Валерий Ж. и Вова К. не умели шнуровать ботинки. Из-за них мы не раз опаздывали на завтрак.

Но настоящая трагедия была у меня с косичками. Толстые, золотистые у Тани, черные у Наташи, каштановые, тоненькие «мышиные хвостики» у Гали. Как приятно смотреть на вас, когда вы аккуратно заплетены и перевязаны ленточкой! Но когда вы растрепаны, а я не знаю, что с вами делать, а звонки подгоняют, не ждут, – тогда плохо. Признаюсь, не раз приходила мне в голову мысль: «Почему в моем классе не одни мальчики?» Татьяна Ермолаевна выходила из положения довольно просто: она выстраивала всех девочек и заплетала им косы.

– Подождите, скоро они и сами научатся, – посмеивалась она над моими волнениями.

Но ждать-то было некогда. Спасением стали шефы.

Взялись нас опекать шестиклассники. Прибегали шефы на переменах, показывали детям школу, учили разным интернатским премудростям. Но главная их работа начиналась по утрам во время подъема. Веселой стайкой налетали шестиклассницы на наших девочек и мгновенно разрешали проблему косичек.

Но не получилось у нас настоящего шефства. Период «первой любви» к малышам прошел у шестиклассников довольно быстро. Да и они заметили прохладное отношение со стороны воспитателей к своим шефским увлечениям. Особенно холодным стало это отношение после педсовета, на котором старшая воспитательница прозрачно намекнула, что воспитатели младших классов так рвутся за шефство по причине своей лени:

– Мы не позволим переключать воспитательную работу на старшеклассников. Получаете зарплату – и вольте трудиться.

Бесполезно было доказывать, что уход за малышами в большой семье школы-интерната едва ли не больше всего нужен самим старшеклассникам.

Хотя от индивидуального шефства мы решили отказаться задолго до этого педсовета, и вот почему.

Однажды захожу в спальню к девочкам уже после звонка на подъем. Все встали. Только Галя и Тома спокойно лежат в кроватях

и с любопытством поглядывают на своих суесящихся подруг да время от времени дают им разные советы.

– Почему ты не встаешь, Галя? – спрашиваю.

Девочка с недоумением на меня посмотрела и ответила:

– Так разве ж вы не видите? Моя «шефа» не пришла!

– И моя тоже! – возмущенно воскликнула Тома. – Бегают где-то, наверное, а к нам не идут. Мы ж опоздаем.

– Вы же не маленькие, – говорю девочкам. – Давайте научимся сами за собой ухаживать. Согласны?

– Согласны, – дружно откликнулись польщенные дети.

– Откажемся от помощи шефов по утрам?

– Откажемся!

– А косички? – засомневались мальчики. – Девочки подведут.

– А вот и нет. Сами будем заплетать. Я – Гале, Галя – Тане, Таня – Ире...

На следующее утро я запретил шефам заплетать девочек... И первоклашки самостоятельно справились с «косичкиным хозяйством», как выразался наш Саша Г.

Проблема косичек окончательно разрешилась только во втором классе. Наиболее оригинально с ней справилась Таня Р.

Есть дети, которые наделены счастливым даром привлекать к себе внимание. Они никогда не бывают без подруг и друзей. Редко ссорятся. Их никто никогда не обижает. Такой была Таня. Но когда девочке всего девять, она часто свои достоинства воспринимает как недостатки. Таня была недовольна своей судьбой, она часто заявляла:

– Хочу быть мальчишкой. Хочу себе туфли, как у вас, галстук, как у вас. Хлопцем быть лучше. Хлопцы воюют!

– А девочки, скажешь, не воюют, – возражала долговязая худенькая Люда Л. – Еще как воюют. Они санитарки.

Возможно, косвенным виновником Таниных мечтаний был я сам. Девочка рано осталась без отца (он умер) и всю неистраченную любовь к нему перенесла на воспитателя. Ее мать (кстати сказать, исключительно заботливая и ласковая женщина) рассказывала:

– Вы знаете, что сказала мне Таня? Я, говорит, мамочка, Лидию Васильевну и Татьяну Ермолаевну люблю, как тебя, а Якова Львовича – больше.

Немудрено, что под неотступным взглядом Тани я чувствовал себя так, как при самой придирчивой комиссии. Страшно упасть с той высоты, на которую нас, воспитателей, возносят дети. Так вот, от слов о желании стать мальчиком Таня перешла к делу. Представьте себе мое смятение, когда в один прекрасный день Таня подошла ко мне и тихонько сказала:

– Я теперь буду первая на завтрак выходить...

– Вот и хорошо... – начал я и загнулся.

Таня как-то странно изменилась... Она остригла свои замечательные тугие косы.

– Совсем отрезала! – запыхавшись, рассказывал Гена К. – Нас тетя парикмахер стрижет, а она пришла и говорит: «Подровняйте косы». А потом говорит: «Еще короче». И так все говорила, пока совсем не отрезали.

С ужасом ожидал я предстоящей субботней встречи с Таниной мамой. Я знал, что она не из тех мамаш, которые из-за оторванной пуговицы готовы поднять скандал. Но косы не пуговица – не пришьешь. Однако у Таниной мамы оказался неконфликтный характер. Она сделала вид, будто ничего не случилось.

В понедельник Таня появилась в школе с пышным капроновым бантом – и все нашли, что она стала еще красивее.

Умеете ли вы застилать кровать?

Только не отвечайте слишком поспешно. Я четыре года жил в общежитии в комнате, которая считалась одной из лучших по застиланности кроватей, да и дома всегда сам осуществлял эту операцию. Но оказалось, что делать это по всем интернатским правилам я не умел. Говорят, есть вещи, которые можно постичь только в детстве. Вероятно, к ним относится и застилание кроватей...

В первые дни мы заправляли кровати вместе с шефами, то есть шеф-шестиклассник застилал и время от времени снисходительно бросал первокласснику:

– Ну, видишь, как надо? Хорошо?

Первоклассник стоял тут же, глазел по сторонам, но из вежливости кивал головой и время от времени подбадривал своего шефа:

– Вот это да! Вот здорово!

После исторического решения – «все делаем сами» – заправка кроватей стала богатым источником разнообразных переживаний.

Вот уж, кажется, все хорошо застелено. Но приходят члены санитарной комиссии, и изливается поток критических замечаний:

– Подушка стоит криво! Покрывало торчит. А вот здесь свисает до пола. Накладки не в одну линию. Занавески не натянуты.

И в заключение обидно-снисходительное:

– Ладно, поставим четыре. Все-таки первый класс.

Первый класс! А того не знают строгие контролеры из четвертого класса, что чуть ли не все кровати перед их приходом осмотрели и поправили воспитатели и были очень довольны своей работой. Пришлось нам специально учиться искусству застилания кроватей

у шестиклассников, а потом учить детей. Казалось, они никогда не смогут достичь совершенства, но прошло несколько недель – и все мои воспитанники вполне сносно научились это делать. Причем на каждом этапе этой комплексной операции появлялись свои чемпионы. Скоро все знали, что покрывало лучше всех натягивает Гена К., ряды кроватей быстрее всех ровняет Сережа К., подушку лучше всех ставит Саша Б. Однажды увидев, как аккуратно поставил он свою подушку, я сказал:

– У Саши подушка, как орел!

Моментами около его кровати собирались мальчики, а через минуту Ира А. привела и девочек.

И правда, как орел, – ровненько-ровненько стоит, – восхищался добродушный Валера М.

Самолюбивый Саша К. сделал вид, что это его совсем не интересует: подумаешь, подушка, зато он лучше всех читает... Леня К. тут же бросился к своей кровати и принялся взбивать подушку:

– Неужели я так не смогу?

А Ира А. сказала:

– У Наташи подушка тоже ровно стоит!

– А вот и нет! – возмутились мальчики.

– Ну, пойдём посмотрим!

Завтрак оказался под угрозой срыва. Поэтому я сказал:

– Но пойдут не все. А только те, у кого лучше заправлены кровати. Саша, Жора и Ваня войдут в комиссию.

Так родилось соревнование между спальнями мальчиков и девочек.

Три мамы и один папа

Одно из наших интернатских правил: «Ботинки должны блестеть». Но его было легче провозгласить, чем выполнить. Первые попытки почистить ботинки не увенчались успехом: гуталином были вымазаны чулки, руки, рубашки, а у Вовы К. – даже кончик носа. Все блестело, кроме... ботинок. Дети отчаянно завидовали Свете Т. и Ире А.: им достались ботинки синего цвета, а соответствующего сапожного крема в кастаньянной не оказалось... Кончилось тем, что мне и Татьяне Ермолаевне пришлось стать «чистильщиками». В институте нас этому, конечно, не учили – квалификацию мы приобрели в школе-интернате.

Но наука досталась нам нелегко. Дети выстраивались в ряд и по очереди к нам подходили. «Может быть, не очень педагогично чистить детям ботинки, но это лучше, чем позволять им ходить в грязных», – рассуждали мы. И через несколько «уроков с демонстрацией»

дети сами овладели этой хитрой наукой. Появились и рекордсмены по чистке обуви.

Приобрели мы в интернате еще одну «смежную» профессию.

В нашей школе не было своих душевых. Водили мы детей мыться в городскую баню. Может быть, поэтому в банный день у нас все было вверх дном, ведь надо было одновременно и белье получить, и мыло, и мочалки, и кровати перестелить. Оговорюсь, что так было только в первом классе. Во втором дети делали все сами.

Но вот все получено, роздано детям и мы весело шагали в баню. Там некоторые воспитатели ждали детей в вестибюле. Я завидовал их спокойствию и выдержке. Мне казалось, что стоит моим воспитанникам остаться одним, как они или ошпарятся, или обольются ледяной водой и простынут. Кроме того, я видел, как приходят сверстники моих детей вместе с отцами, и не мог допустить, чтобы мои ученики чувствовали себя одинокими. Поэтому своих мальчишек я и в моечную сопровождал.

Кровати, ботинки, баня, сюда можно добавить и туалет. Кто-то спросит: неужели из этого складывалась вся работа воспитателя в первом классе? Конечно, нет. Но в первые недели подобные дела занимали очень много времени. Мы чувствовали, что быть воспитателями в школе-интернате – это значит быть мастерами на все руки (жаль, что мы не были таковыми), быть мамами и папами. Мы радовались, когда наши воспитанники то ли в шутку, то ли всерьез говорили Лилии Васильевне или Татьяне Ермолаевне «мама», а мне – «папа». Маня С. сказала однажды:

– У нас теперь три мамы и один папа!..

– Как это три мамы? – удивилась Наташа П.

– Очень просто: мама, потом Лилия Васильевна, потом Татьяна Ермолаевна – три. А Яков Львович – папа, один!

Ее формула была верна для 4/5 детей. А единственный папа такого большого семейства и радовался почетному титулу, и всячески старался оправдать его.

Когда можно разговаривать?

В первые дни в школе-интернате для моих воспитанников обрушилось множество запретов. Очень много вдруг оказалось «нельзя». Витя П. с удивлением узнал, что на уроке нельзя есть принесенный из столовой пряник. Саша Б. и Жора В. бегали по коридору и были наказаны старшей воспитательницей: бегать в школе нельзя. Но главное – нельзя разговаривать. В классе запрещает учительница, в столовой действует железный закон «Когда я ем, я глух и нем»; в спальне «должна быть мертвая тишина». Клара Самуиловна – воспитательница параллельного класса – рассказывала мне:

– Знаешь, подходит ко мне Игорь Ф. и спрашивает: «Скажите, пожалуйста, когда можно разговаривать?» Что я ему могла ответить?

Да, ответить было трудновато. Рамки режима ограничили детей со всех сторон, и надо было найти способ сделать их не такими жесткими. А это было нелегко.

Не знаю, кому пришла в голову мысль открыть в здании, где мы учились, школу-интернат. Крошечные, часто выходящие из строя умывальники превращали такую простую операцию, как умывание, в неразрешимую проблему. Ни одной игровой комнаты или комнаты отдыха, как в физкультурного зала и городка, не было. Собственно говоря, даже двора не было. Со всех сторон школу обступали каменные коридоры строящихся зданий – строительные площадки наступали на тонкий островок с десятком деревьев, который назывался школьным двором. В близости от школы – популярный в городе рынок, с другой стороны – заброшенное кладбище. Вместе с тем мы обязаны были поощрять детей полюбить школу.

Однажды я объявил:

– Давайте, ребята, исследуем улицы, по которым мы ходим.

– Будем разведчиками! – подхватил Эрик Д.

С того дня мы никогда не проходили равнодушно мимо табличек с названием улиц.

– Улица Обувная! – читал Саша Г. – А почему она так называется?

– Я знаю! – кричит Коля А. – Обувь – это ботинки всякие, туфли, ну, в общем... по ней в обуви ходят.

– А по другим улицам как? Босиком, да? – засмеялся маленький большеглазый Жора В.

Руку подняла Света Т. Она даже в строю на улице по привычке поднимала руку, когда хотела что-либо сказать.

– Я догадалась: на этой улице фабрика есть такая, где обувь делают.

– Правильно, Света, сейчас пойдём и посмотрим на эту фабрику.

И вот мы уже не просто на улице Обувной, а пытаемся понять значение ее названия.

Так родились у нас эти беседы об улицах. Они потом разрослись до настоящих «исторических» изысканий.

Наговорившись и намечтавшись вдоволь, возвращались в школу. Возле ворот мы останавливались, ровняли ряды и хором кричали:

– Здравствуй, школа-интернат!

В голосах детей была радость, глаза весело блестели, но... все-таки тот, кто придумал открывать школы-интернаты в таких зданиях и в таких местах, вряд ли помнил свое детство.

Тайна

Все важно для человека, когда ему только 7–8 лет и он совсем недавно стал школьником. Часто самые незначительные вещи играют значительную роль в жизни ребенка. Да и само понимание значительности в этом мире маленького человека совсем не такое, как у взрослых. Сами того не замечая, мы даем детям множество поводов для переживаний и раздумий. Во взаимоотношениях воспитателя с воспитанниками огромное значение имеют бесконечно малые величины, за которыми нам трудно уследить. Но как тонко подмечает их ребенок через увеличительное стекло своей эмоциональности!

Прозвенел звонок отбоя. Дети притихли. Но никто не спит в густых сумерках затемненной спальни. Я подошел к кровати Валеры О., присел. Мальчик секунду полежал тихо, а потом я услышал его шепот:

– Яков Львович, а почему уже надо спать?

– Время пришло.

– А как это пришло? Что это такое – время?

Попробуй-ка объясни!

– Ну вот, смотри, – я наклонился над Валерой и поднес к его глазам руку с часами. – Видишь, где стрелки стоят? Уже 9 часов 15 минут.

Но Валера уже и не думал о времени, его философское настроение улетучилось.

– Ой, как светятся! – восхитился мальчик, показывая на фосфорический циферблат моей «Камы». – Почему это они? Все равно как глаза у волка. Помните, вы нам читали?

А из разных углов спальни уже стали доноситься гримасы и страстные шепоты:

– Что светится?

– Где волки?

– И нам покажите!

– Покажу тем, кто ляжет на правый бок и успокоится, – сказал я.

Все затихли. Я прошел по спальне и каждому показал «диковинные» часы. Дошла очередь и до Саши Г. Но он лежал, накрывшись с головой одеялом.

– А ты, Саша, не хочешь посмотреть?

– Хочу!

– Ну так смотри.

– Мне не надо показывать. Я себя плохо вел за ужином.

– Но ведь ты не будешь больше?

– Не знаю, может быть, и буду. Но я постараюсь.

– Конечно, я знаю: ты не подведешь. А теперь посмотри.

Саша откинул одеяло и долго не отрываясь смотрел на мерцающие зеленоватые точки, а потом сказал так тихо, что слышал только я один:

– Может быть, у моего папы тоже есть такие часы... Но он плохой. Уехал от нас. Я лучше буду на ваши смотреть.

И его рука крепко сжала мою. Потом он опять спрятался под одеяло и затих.

Утром во время подъема я почувствовал, что у мальчиков в отношении ко мне появилось что-то новое. Как будто мы доверили друг другу что-то очень сокровенное, как будто еще одна стена между нами разрушена.

А свет девочки выглядели обиженными. Они все утро о чем-то шептались и умолкали, как только я к ним подходил. Время от времени между девочками и мальчиками вспыхивал какой-то жаркий спор и моментально затухал. Мне удалось уловить только: «Секрет, тайна!»

Наконец Лиза К. не выдержала и, подойдя ко мне, тихонько, как всегда, сказала:

– А мальчики говорят, что вы им какой-то секрет показали. А ведь мы себя тоже вчера хорошо вели.

Я даже не сразу сообразил, куда она клонит. Только выразительные взгляды на мою левую руку дали мне понять, в чем дело.

Потом мальчики рассказали, что они той ночью решили сделать светящиеся часы своим секретом. Но чувство справедливости взяло верх, и заговорщики быстро согласились, что несправедливо лишать девочек такого удовольствия, как смотреть на часы. Леня К. великодушно предложил:

– Ладно, может быть, вы им тоже вечером покажите.

– Если они будут хорошими, – добавил Гена К.

Вечером часы были показаны и девочкам. Они тихонько охали, но мне показалось, что только из вежливости. В сердцах мальчиков оказалось больше романтики. Зато у девочек было больше чего-то другого, что трудно определить одним словом. Лучше описать.

С тех пор как подъем для меня и детей перестал быть цепью маленьких катастроф, я полюбил утренние минуты перед пробуждением моих воспитанников. Еще совсем тихо в спальне. У Люды П., как всегда, одеяло на полу. Тома Т. сунула под подушку чулки, и теперь они предательски оттуда выглядывают. Наташа М. положила возле себя сверток: в полотенце завернуты мыло, порошок и щетка – решила не опаздывать в умывальник. А Люда Л. сегодня дежурная, она уже встала и тихонько одевается. Присаживаюсь на диван в коридоре. Дверь в спальню открыта. Дети начинают ворочаться, многие просыпаются до звонка. В эти утренние минуты можно услышать кое-что интересное.

Вот и сегодня между девочками начинается неспешный разговор. Выделяется хрипловатый голос Гали Р.:

– А вчера, когда я засыпала уже, ко мне подошел Яков Львович, подоткнул под спинку одеяло и погладил меня. Он такой ласковый.

– И ко мне подходил.

– А мне вот так по волосам провел.

– А мне подушку поправил.

Люда П. со вздохом говорит:

– А я сразу заснула. Не знаю. Ко мне не подходил, наверное.

– Подходил. Я видела, – успокаивает ее кто-то.

И мне видно, как Люда счастливо улыбается, а делает она это редко.

А однажды утром мне сказали:

– Лиза вчера плакала ночью. И Наташа! И Таня! Все почти плакали.

– Что случилось? – встревожился я.

Но девочки молчали. Тогда я обратился к старосте спальни Лизе П.:

– Лиза, ты должна мне все рассказать.

– А вы вчера рассердились на нас из-за Маши и скоренько ушли после отбоя, – запинаясь и краснея, выдавила девочка. Ей на помощь пришли подружки:

– Вы ушли. И дверью хлопнули, и спокойной ночи не сказали, – выпалила Наташа.

– Тогда Таня сказала, – продолжила Лиза, – наверное, Яков Львович так обиделся, что совсем уйдет из нашего класса. И мы стали плакать.

– Это все Маня виновата, – заявила Ира А.

– И не Маня, а Таня. Зачем сказала, что Яков Львович уйдет? – возразила Света.

Но главного виновника они так и не нашли. С тех пор я старался никогда не хлопать дверью. Никогда, кроме тех редких случаев, когда, по моему мнению, это могло быть полезным.

Иногда дети кажутся неблагодарными. Вероятно, это происходит от того, что наша забота для них столь же необходима, но так же естественна, как воздух. А кто же благодарит за воздух?

Но происходит что-нибудь совсем непримечательное, а ты чувствуешь себя так, как будто получил награду, которую очень трудно оправдать. Помню, такую награду выдал мне Леня К.:

– Если бы я был волшебником, то превратил бы вас в богатых, красивого и сильного.

Секунду подумал и добавил:

– Вы, конечно, и так красивый.

Разве можно говорить после этого о детской неблагодарности или нечуткости?!

– Вы на меня рассердились? – спрашивает Толя С.

– Нет. С чего ты взял?

– А вы меня по фамилии вчера назвали, а не Толиком, как всегда.

Шалун и проказник Коля Ж. просит воспитательницу:

– Называйте меня Колечка. Почему меня никто так не зовет?

Их огромное число, этих бесконечно малых величин воспитания. В их тайне нелегко проникнуть, их трудно заметить, еще труднее описать и вставить в учебник. Их можно только чувствовать. И если ты их не чувствуешь, тогда плохо, тогда надо искать другую профессию. Говорят: «Спортсмен в форме». И ждут от него больших достижений. Воспитатель бывает в форме тогда, когда может ответить себе на вопрос:

– Какие сегодня у меня отношения с Сашами, Наташами, Сережами, с каждым воспитанником в отдельности и с классом в целом?